

ПОЭТЫ «НОВОЙ» ЭМИГРАЦИИ

В сущности, деление поэтов, прозаиков, публицистов на литераторов старой (до 1941 г.) и новой (с 1941 г.) эмиграции было целесообразным по отношению к зарубежной литературе сороковых годов: новая эмиграция пришла на Запад с большим запасом свежих воспоминаний о покинутой родине, с настойчивым стремлением как можно полнее высказаться; политические, гражданские ноты доминировали в то время в их творчестве. Но прошли годы — и обе эмиграции легко и почти безболезненно слились воедино, и теперь лишь эмиграция шестидесятых годов, весьма малочисленная, привносит новые ноты в эмигрантскую литературу.

Старейшим поэтом «новой» эмиграции является Николай Федорович Бернер (Франция; р. в 1890), в свое время близкий к кругу поэтов-«брюсовцев». Брюсов посвятил ему в 1912 году акrostих «Немеют волн причудливые гребни». Поэт трагической судьбы, переживший тюрьмы, заключение в Соловецких лагерях, на родине он сумел издать только две тоненькие тетрадки стихов: «Одиннадцать» (1920) и «Осень мира» (1925). В эмиграции вышел его сборник «След на камне» (1955).

А Русская Камена, став бродягой,
Цыганствовать пошла на милость стран —
Кастальский луч не закипает влагой,
Как осень мира — осень россиян.

И поэт, почти всегда пессимистически настроенный, задает вопрос:

Мой одинокий диалог
С самим собой, кому он нужен?

Дмитрия Иосифовича Кленовского (р. 1892) по праву называют «последним из царскосельских лебедей», хотя чисто хронологически последней должна была бы быть названа в эмиграции бывшая царскоселка Ирина Бушман. Но Кленовский последний поэт, живо помнящий царскосельскую гимназию и ее директора Иннокентия Анненского:

На одной из самых тихих улиц
Дремлющего Царского Села
В годы, что ушли и не вернулись,
Славная гимназия была.

Кленовский выступил в печати еще в предреволюционные годы, а в 1917 году вышла из печати его первая книга стихов — «Палитра».

В эмиграции он выпустил девять книг стихов: «След жизни» (Мюнхен, 1950), «Навстречу небу» (Мюнхен, 1952), «Неуловимый спутник» (Мюнхен, 1956), «Прикосновенье» (Мюнхен, 1959), «Уходящие паруса» (Мюнхен, 1962), «Разрозненная тайна» (Мюнхен, 1965), «Стихи: избранное из шести книг и новые стихи» (Мюнхен—Нью-Йорк, 1967), «Певучая ноша» (Мюнхен, 1969); «Почерком поэта» (Мюнхен, 1971); много публикаций в «Мостах», «Опытах», «Новом журнале» и других альманахах, антологиях, журналах и газетах эмиграции.

Кленовский — продолжатель традиций петербургской школы поэтов. Безукоризненный вкус, виртуозная техника стиха, философическая настроенность, не боящаяся и кажущихся внутренних противоречий: с одной стороны платоническое: «Моя земля! Тюремщик старый мой . . .» — земное, телесное, как узилище души; с другой стороны:

Чем дальше я живу, тем ненасытней я,
Тем с большей жадностью тянусь к усладе здешней . . .

С одной стороны: «Заложница несбыточной мечты! / Моя душа! . . .» — с другой — «Перерастем ли когда-нибудь / Свои тела? . . .» С одной стороны: «Потерпи еще немного! Вскоре / Мы проснемся в странной тишине . . .» — с другой:

Мне не придется там писать стихов,
Но вряд ли ремесло свое забуду . . .

Кленовский не принимает простых и однозначных решений: «Простых путей не знаю я / К неутомительному раю». Иногда он кажется даже чуть-чуть слишком «интеллектуалистом»: «Ужель я эту землю посетил, / Чтоб, уходя, сказать 'не знаю'». Но живая жизнь, тонкое художническое ее восприятие преодолевает рассудочность, и восприятие мира углубляется до евхаристического. Вот вечно бредущие по миру апостолы:

И где-нибудь, под деревянной ложкой
В простой суме, между истлевших швов,
Еще быть может залежалась крошка
Когда-то Им преломленных хлебов.

И поразительно, навеки врезающиеся в память строки о любви:

И я по улице пустой
В притихшем городке
Отнес любовь мою домой,
Как просфору в платке.

И еще:

Пусть еще мы как слепые бродим
По пространствам и по временам —
Иногда мы все-таки находим
Губы, предназначенные нам.

Ведь только любовь, вот эта земная, плотная и духовная, мучительная и радостная любовь и открывает полноту бытия: «От обещанного нам рая / Держишь ключик в пустой руке . . .» Но: «Распла-

чиваться надо за вино, / За горсть зерна, за поцелуй беспечный . . .», — ибо: «Все в жизни к нам приходит через боль, / Все лучшее — сперва томит и мучит». И поэт если не бунтует, то фрондирует:

В дурную ночь, в часы размолвки с Богом
(Как иначе назвать беседу ту!)
Мне кажется всегда: еще немного —
И перейду заветную черту.
Но каждый раз удерживает что-то . . .

Поэт любит плоть мира. Его образы сдержанны, он не перенасыщает ими каждую свою строку, в его стихах много воздуха, но он любит «шуршанье ящериц в камнях Равенны», «мякоть розовато-золотистую свежих фиг на мраморном столе», и русский задушевный пейзаж и натюрморт: «Пирог с грибами стынет на столе», «В овражке пахнет теплой земляникой / И так уютно догнивают пни» . . . Любит он и домашнего незамысловатого зверя:

Если кошка пищит у двери
И ты можешь ее впустить —
Помоги обогреться зверю,
У плиты молока попить . . .

Поэзия Дмитрия Кленовского пленяет нас той высокой простотой,

Как тот кувшин в бессмертных черепках,
Откуда пили ласточки и музы.

Глеб Александрович *Глинка* (р. 1903) — участник группы поэтов и прозаиков «На перевале», автор немалого количества книг, изданных в СССР — детских стихов («Времена года», Москва, 1926), художественной прозы, очерков, в эмиграции печатается в «Новом журнале» и других органах печати, выпустил книгу стихов: «В тени» (Нью-Йорк, 1968).

Подобен самовару дух,
Быть может, тоже выкипает? . .
Ну что же, не ругайтесь вслух,
Ведь в жизни всякое бывает.

Мастер иронических и ироническо-драматических стихов, Глинка не устает любоваться трагическим, но таким всегда занимательным миром: «Я заново мир открываю, / Охотник, бродяга, поэт . . .»

Особняком стоит Борис Андреевич *Филлипов* (р. 1905), автор ряда книг, в том числе — книг стихов: «Град Невидимый» (Рига, 1944), «Ветер Скифии» (Вашингтон, 1959), «Непогодь» (Вашингтон, 1960), «Время времени» (Вашингтон, 1961), «Рубежи» (Вашингтон, 1962), «Стынущая вечность» (Вашингтон, 1964), «За 30 лет» (1971) и книг стихов и прозы: «Тусклое оконце» (Нью-Йорк, 1967), «Ветер свежет» (Нью-Йорк, 1969), «Мимоходом» (Вашингтон, 1970) и «Преданья старины глубокой» (1971).

Начал печататься еще в России Юрий Павлович *Трубецкой* (р. 1902), в эмиграции выпустивший три книги стихов: «Петербургские строфы» (Бавария, 1948), «Двойник» (Париж, 1954) и «Терновник» (Париж, 1962). Его стихи (и проза) публикуются часто в «Воз-

рождении», «Новом журнале», «Мостах», канадском журнале «Современник», и в ряде газет зарубежья.

Церковка, заросшие пригорки,
Суздальское небо и тоска,
К сонным травам, к луговинам горьким
Мчится мелководная река.
Родина . . .

Ольга Николаевна Анстей (р. 1912) выпустила, к сожалению, только одну книжку своих стихов: «Дверь в стене» (Мюнхен, 1949), но немало печаталась в альманахах, сборниках, антологиях, журналах и газетах русского зарубежья: «Обозрение», «Отдых», «У Врат», «Горн», «Явь», «Явь и Быль», «Возрождение», «Дело», «Грани», «Новый журнал», «Литературный современник», «Мосты», «Опыты», «Воздушные пути» и т. д. О. Анстей много переводила, в том числе Рильке, Хаусмана. Она — мастер стиха, культивирует и редкие в наши дни его формы. Основная тема ее творчества —

Огромным разливом Нила
Затопляя жизнь и тетрадь,
Любовь всегда приходила
Такая, чтоб умирать.

Женское — не дамское, не салонное, лучше уж сказать — извечно-бабье (в самом поддонном значении этого слова) —

Свеченьем женским всем, всем тем куском,
Что за бессмертье может поручиться, —
Я жаждала дотронуться виском
До ямки той священной на ключице,
Того прибежища, твердыни той . . .

Или:

К дверям твоим заветным,
Когда они потухли,
Посланцем незаметным
Стоптало сердце туфли.

С темой любовной перекликается тема одиночества, тема разреженного воздуха опустошенности:

Весь в нетерпении въездной уборки
Светло-необжитой и звонкий дом . . .
. . . Так ты, душа, едва из-под неволи,
Общипанная, с перьями в крови —
С надеждой в новой селишься юдоли,
Пьешь разреженный воздух нелюбви.
Так прибрано, так звонко-одиоко . . .

Потеря родины — другая тема Анстей. Ею много написано о ее родине — Киеве, она много и успешно писала и стихов-апокрифов, и стихов-сказов. Она мало и скупно пишет об окружающем ее нерусском мире:

Средь немного хмурого сегодня,
Средь немых негреющих людей —
Как нам песню пронести Господню
По земли чужой?

Может быть популярнейший поэт русского зарубежья, Иван Венедиктович Елагин (р. 1918), является автором семи книг стихотворений: «По дороге оттуда» (Мюнхен, 1947), «Ты, мое столетие» (Мюнхен, 1948), «Портрет мадмуазель Таржи» (стихотворная комедия-шутка, Мюнхен, 1949), «По дороге оттуда» (собрание стихов, Нью-Йорк, 1953), «Политические фельетоны в стихах» (Мюнхен, 1959), «Отсветы ночные» (Нью-Йорк, 1963) и «Косой полет» (Нью-Йорк, 1967). Много стихов Елагина опубликовано в «Гранях», «Новом журнале», «Мостах» и других органах печати зарубежья.

Поэзия Ивана Елагина — патетическая, чуть декламационная, всегда взволнованная, очень и очень напоена социально-политическим пафосом. Мало кто из новой эмиграции так эмоционально-ярко отразил в своих стихах годы сталинского террора, военного разгрома, послевоенной России и Европы — в развалинах когда-то цветущих городов, в ступях голода и разрухи:

И судьбы, и жилища сметены.
И там, в нечеловеческом закате,
С перегнутой над улицей стены
Свисают заржавелые кровати.

Судьба России — трагическая камаринская, пляска смерти: «На столбе не зажигают огонька. / Три повешенных скучают паренька». Хвалились-бахвалились, строили-готовились, ан —

... Вся жизнь на вобле прожита,
А пушек-то не нажито! . . .
... А мертвые, кто во поле,
Кто брошены на отмели . . .
Прохвастали, прохлопали,
Чуть полстраны не отдали!

Но плохо и дома, хуже и с завоевателями:

Как у своих-то перчено,
А у чужих-то солоно!
Как из огня теперича
Попали мы да в полымя!

Елагину принадлежит стихотворение, которое навсегда останется в русской поэзии:

Уже последний пехотинец пал,
Последний летчик выбросился в море,
А на путях дымятся груды шпал
И проволока вянет на заборе.
Они молчат, свидетели беды.
И забывают о борьбе и тлене
И этот танк, торчащий из воды,
И этот мост, упавший на колени . . .

... Там будут снова строить и ломать.
А человек идет дорогой к дому.
Он постучится — и откроет мать.
Откроет двери мальчику седому.

Война — беда. Но, может статься, горшей бедой была и довоенная жизнь, с ее террором, голодухой, унесшей тоже миллионы жизней, с ее страхом сыска и ареста, с ее пытками и концлагерями:

Чтоб земные горести, как выпив,
Не кричали над твоей душой,
Эту вечность льющуюся выпей
Из ковша Медведицы Большой!

Елагин хорошо чувствует неизбывную текучесть времени: «Ничто не знает в мире постоянства, / У времени обрублены концы». Наше время — время, когда личность человеческая утратила свою целостность, когда сам человек расщеплен, атомизирован:

Дескать ,народ, кумекай,
Куда это мы прем:
В поисках человека
Шествуем с фонарем. . . .
. . . Послушай-ка, Диоген, —
Выброси свой рентген!
Зряшным ты занят делом:
Человек не бывает целым. . . .

Может быть, душа-то еще и как-то цела, даже бессмертна, но я-то, как телесно-духовная личность — я-то — только случайное обиталище, только постоянный двор для души-психеи:

Я решаю вопрос большой —
Что мне делать с моей душой?
. . . Что дела ее нехороши,
Что бессмертье есть у души.
И хотя она здесь, со мной,
Для нее я — двор проходной. . . .

Пейзаж Елагина — городской, стесненный громадами домов («Неслышно входит городское лето / В отведенное для деревьев гетто»; «Пролетающий лист, как почтовую марку, / Ветер лепит с размаху на угол окна»). Хороша и любовная тема у Елагина, но она уступает по яркости его «гражданской» (в хорошем значении этого слова) теме.

Иван Афанасьевич Буркин (р. 1919) — поэт, ошеломляющий легкостью, летучестью своего стиха. Необычайная непосредственность видения мира, какая-то веселая поступь стиха, даже тогда, когда Буркин печален или задумчив. К сожалению, стихи Буркина не собраны в книгу, да и печатается он не часто. Изобразительная сила его стихов замечательна: «Дождь упал и сделал дырку / на поверхности воды» . . . ; «Подсолнух в чинах, в эполетах, / На вытяжку смиренно стоит»; «В халатах здесь стеганных куры. . .»; «Черновик во сне не нужен. / Снятся сны наоборот».

Одной из характернейших в творчестве Буркина является его небольшая поэма «Прогулка»:

Хрустит подлунная дорога,
И на прогулку вышел снег.
Глядит в пустые руки Бога,
Грустит прохожий человек.
Грустит и верит в Божьи руки
И даже в Божью пустоту,
Пусть заложил он даже брюки,
Пусть верить и немогоду. . . .
Куда идти? Подняться выше,
Но правды выше тоже нет.
И небеса, как двор тюремный. . .

Очень русский, Буркин отлично сознает, что «грустный вой — песнь русская»:

Ну, а песни-то — все про лучину,
Про свечу, что вот-вот догорит,
Про такую родную дубину,
Что как ухнет, то чудо творит.

Может быть, лишь музыка разрывает тягостную тюрьму причин и следствий, тошного рационализма, приводит нас к сверкающей красе зауми:

Какие у музыки темы?
У музыки все впереди.
И рушатся годы и стены,
Чтоб в царство ее перейти.

К сожалению, Иван Буркин — редчайший гость в журналах и сборниках эмиграции.

Владимир Федорович Марков (р. 1920) — больше известен как крупный литературовед, знаток русского футуризма, эссеист. Он выпустил два сборника стихов — «Стихи» (Регенсбург, 1947) и «Гурилевские романсы» (Париж, 1960). Его «Поэма без названия» опубликована в журнале «Опыты» № 4, 1955:

Я мир листал, как книгу,
И в книге мир искал.
Но по какому мигу
И до сих пор тоска? . . .
. . . Бродяге поневоле,
С навязанной клюкой;
Готов расстаться с *волей*,
Чтоб обрести *покой*.

Маркова влекут и старинновидные романсные напевности «гурилевских романсов»:

Есть на свете и бродяги,
Есть на свете жизнь-дорога . . .
. . . И свечи заплывший столбик,

И внимательные брови,
И картина в круглой раме . . .

Марков ведь недаром написал и лирический очерк-поэму в прозе о Моцарте. Но Марков и современен: он ищет и культивирует редкие формы, например, одностроки:

Печаль слетает с ласковых стволов.

О Боже, я разбит, составь меня опять.

Николай Николаевич *Моршен* (р. 1920) — автор двух сборников стихов: «Тюлень» (Франкфурт, 1959) и «Двоеточие» (Вашингтон, 1967) и многих публикаций в «Гранях», «Новом журнале» и других органах печати зарубежья. Поэт «гражданской» темы преимущественно (в первом сборнике), он стал поэтом философическим — и притом ищущим новые формы стиха. Пришел он в поэзию свидетелем того поколения, которое не имело, по сути, детства и юности, мало было причастно к радости бытия:

Он прожил мало: только сорок лет.
В таких словах ни слова правды нет.
Он прожил две войны, переворот,
Три голода, четыре смены власти,
Шесть государств, две настоящих страсти.
Считать на годы — будет лет пятьсот.

Этот современник хорошо помнит собрания, чистки, старательное стремление ни о чем не думать, замкнуться, если возможно, в тесную скорлупу «довлеет дневи злоба его»:

«Товарищи!» — Он опустил глаза,
Которых не удастся образумить.
«Кто за смертную казнь врагам народа, прошу поднять руку!»
Все подняли. Он тоже поднял «за»,
Стараясь ни о чем не думать.

Но в этом мире — мире страха, террора, застенков — не умирала подспудная поэзия. И вот, когда на улице, возвращаясь с нудной работы, «сквозь ветер и сквозь снег», вдруг слышалось, как встречный бормотал вслух, скажем, строки запретного Гумилева, вдруг все озарялось:

О, строк запретных волшебство . . .
. . . Вот так друг друга узнают
В моей стране единоверцы.

Сейчас Моршен — поэт чуть рассудочный:

Нужны мне спутники — причины
Для всех событий!
За сценой скрытые пружины,
Колеса, нити!

Он глубоко задет темами, вечными темами человечества:

Но как найду я путь во тьму,
Туда к истоку твоemu,

Где хлещет темная струя
Из пропасти до-бытия?

Иногда он сознательно прибегает к литературным реминисценциям.
Из Пушкина:

То неврастеник, то герой,
То совестливый собеседник,
То обвинитель, а порой
И адвокат не из последних . . . (Душе)

Из Блока: «Пусть кролики с глазами пьяницы . . .»

В последнее время он культивирует форму двустиха и всячески экспериментирует.

Ирина Николаевна *Бушман* (р. 1921) — один из даровитейших поэтов (и прозаиков) русского зарубежья, как это ни грустно, до сих пор не выпустила ни одной своей книги стихов (и прозы). И печатается она редко и скупое: в «Новом журнале», «Мостах», «Свободе», «Литературном современнике», «Новом русском слове» иногда лишь публиковались ее стихи. Царскоселка и петербуржанка, она верна «петербургской ноте» в поэзии, но воспринимает и передает ее по-своему:

То зримо, то почти неощутимо,
Чугунным росчерком иль ширью площадей,
Сквозь толщу Лондона, сквозь наслоенья Рима
Он возникает в памяти моей.
О город мой! . . .
. . . О город мой, рожденный стать миражем, —
Жилище Муз и дорогих теней . . .

Любовная тема выливается в меднозвучные, с тяжелой поступью стихи:

Там, в вершинах деревьев сегодня горит желтизна . . .
Хорошо! Хорошо! Наконец-то окончилось это,
Нас поившее мелким холодным дождем допьяна,
Нам не давшее радости, это короткое лето.
Для букета последних цветов я сегодня нарву,
Так светило моля полуденное:
Солнце бабьего лета! О, выжги сухую траву,
Дважды острой косою пройденную.

Иногда — их сменяет легковейный, летящий стих:

Не женой, а теплой рукавичкой
На твоей руке хочю я стать . . .

Вечные темы любви, смерти, разлуки Ирина Бушман умеет передать по-своему, своеобразно:

Слышишь ли, друг, времени бег?
Не завтра ль нас вдруг оцепят
пение

вьюг,
снег,
снег

и новых разлук
томление
и трепет?

Бушман хорошо понимает смысл паузы и недомолви, просто длительного молчания в стихах:

Такая весома, зримая даже
звонящая тишина . . .
Раскручена мыслью долгая пряжа
с дневного веретена —
основа снов — натянута туго
на ночи ткацкий станок . . .

Слово для Бушман — от Слова, от вечности. И не связано со *славой*:

Каждый миг — двойная вечность —
тщетное исканье

слова . . .

Слава?

Нет!

СЛОВО в славе не нуждалось
в Первый День Творенья.
За окошком нищий хаос
просит воплощенья
в Слово.

Кому же сердце поэта будет завтра «петь свою звонкую славу»: «мраку ли, свету ли» поклонится оно, наконец? —

В синем небе так мирно пасутся курчавые белые овцы направо, а налево мянутся косматые серые козлища . . .

Ирине Бушман удавались всегда и баллады, и стихи на темы политической современности, и лирические «портреты» (Офелия, Анна Болейн, Ван-Гог).

Олег Павлорич Ильинский (р. 1932), автор трех книг, названных просто «Стихи»: книга первая (Мюнхен, 1960), вторая (Мюнхен, 1962), третья (Мюнхен, 1966). Печатался немало в эмигрантской периодике: «Новом журнале», «Литературном современнике», «Границах», «Возрождении», «Мостах». Крепкая, иногда даже плотная образность («Там бухта, как ломоть арбуза»), умелые архаизмы-реминисценции («Там скользит серебристой белкой, / Растекаясь по древу, душа»), опозитизированный прозаизм — все это принадлежит к удачам Ильинского:

Пивная пена, жар угля
В тени соседского карпорта:
Скажи: не надо журавля,
Синицу дайте мне комфорта.

Как бы вослед акмеистам, но совершенно не в их ключе, Ильинский стремится заново переоткрыть и переназвать мир, его окружающий: «А мир еще не дооткрыт, / Еще не назван, не освоен». Мир дан обычно в движении, осязаемо и вечно: «Катил велосипед в студенческую повесть, / В двойную молодость катил велосипед». Удачны у

Ильинского его зарисовки стран и народов, сделанные во время его странствований. Вот, например, *Мавританская Испания*:

Подернут мутью темный глаз коня,
Поблек разбег крутой арабской вязи,
Библиотеку свитков схороня,
Уснул песком засыпанный оазис.
И только мавританская струна
Еще гудит мелодией забытой . . .

Стихи Ильинского прочны и плотны, как хорошо построенный и обжитой дом:

Дом станет прочно, как ковчег,
И круглый стол, и эта скатерть
При каждом громовом раскате
Ответит в ласковом ключе.

Пишут стихи — и публикуют их в зарубежной периодике, а иногда и выпускают свои книги стихов Геннадий Геннадиевич *Пачин* (р. 1895; последнее время культивирует форму акростиха), Родион Михайлович *Березов*, Георгий Захарьевич *Эристов* (р. 1902. Книги — «Сонеты», 1955, и «Синий Вечер», 1956), Александр Николаевич *Ростовский*. У последнего есть свежие строчки:

Скорняк — взбудораженный ветер
Обходит пространств величины,
И петлями молний в просвете
Сшивает на небе овчины.

Смотрю на сквер, на купола и в даль ту,
Откуда в город хлынули лучи . . .
Каштан по теплому асфальту
Качает бликов белые мячи.

Писали стихи покойные А. Касим (*Альтаментов*) и Сергей Сергеевич *Максимов* (1917—1967), больше известный как прозаик. Пишут стихи Элла Ивановна *Боброва* (р. 1911. Книга: повесть в стихах «Ирина Истомина», Торонто, 1967), Миртала Сергеевна *Кардиновская*, Владимир Иванович *Юрасов* (*Жабинский*, р. 1914; повесть в стихах «Василий Теркин после войны», Нью-Йорк, 1952), Владислав Валентинович *Эллис* (р. 1913; «Избранное», Лос-Анжелес, 1969), Татьяна Павловна *Фесенко*, более известный как прозаик Анатолий Андреевич *Даров* (р. 1920), Михаил Тимофеевич *Дараганов* (р. 1920).

У Аглаи *Шишковой* (псевдоним Агнии Сергеевны Ржевской), выпустившей книгу стихов «Чужедаль» (Франкфурт, 1953), обращает внимание свежесть слов, умело найденных и хорошо нацеленных, какая-то юношеская стройность образов:

И под голубым навесом
Бескрайний *вылег* простор . . .
. . . И на чешуйчатом цоколе
Белки пушистые цокали . . .

Самой молодой поэтессой русского зарубежья является Елена Ивановна *Матвеева* (р. 1945), печатавшаяся в «Гранях», «Новом журнале» и некоторых антологиях.

Беглость этого краткого обзора не позволяет даже сделать выводов и заключений. Тем более, что те авторы русского «новоэмигрантского» зарубежья, на которых хотя бы немного удалось остановиться, каждый — сам по себе, каждый — одиночка, не примыкающий ни к какому, из более или менее определившихся, поэтическому направлению.